

Глава 9. В баре, конечно же, должна быть соль

К одиннадцати часам вечера «Пылающее искушение» было забито до отказа. Хань Цзыфэй принес Чжэн Жую ночной перекус и после недолгих уговоров и нежного шепота увел его в комнату. Вид у босса Чжэна при этом был весьма неоднозначный, но он не обращал внимания на шум в баре, от которого, казалось, вот-вот сорвет крышу.

Линь-цзы весь вечер не выпускал из рук шейкер. Он так устал, что его начало мелко бить. Заметив это, стоявший рядом помощник придвинулся ближе и, стараясь перекричать оглушительную музыку, заорал ему прямо в ухо:

— Брат Линь, иди отдохни! Я подменю тебя на пару коктейлей!

Линь-цзы быстро просмотрел стопку заказов, отбросил помощнику те, что попроще, и, пригнувшись, выскользнул из-за стойки. Скрывшись за лестницей, он взлетел на третий этаж. Парень знал: сейчас все зашиваются, и в комнате отдыха никого не будет.

Когда Линь-цзы толкал дверь, его уже вовсю колотило — он стучал зубами, а перед глазамиплыли радужные круги. Не видя, где диван, он нащупал замок, запер дверь на засов и, спотыкаясь, рухнул на подушки.

Нужно было спешить. Ему требовалось принять дозу в считанные секунды, иначе судороги станут такими, что он просто не удержит пакет. Тогда он превратится в бесформенную кучу грязи, будет корчиться на полу в соплях и слезах, не способный ни на что, кроме жалкого скулежа: «Дайте дозу или убейте!» Он видел это однажды и поклялся, что с ним такого не случится.

Заветный сверток лежал в кармане рубашки. Но он вспотел, а руки дрожали так сильно, что крошечный кусочек фольги едва не выскользнул.

— А-а-а! — Линь-цзы до боли прикусил кулак, подавляя стон.

На коже остались глубокие отпечатки зубов, но вспышка боли помогла на мгновение прояснить сознание. Он осторожно развернул фольгу.

«Только не дрожи, только не дрожи... — кричал он себе мысленно. — Просыпleshь — и всё, конец!»

Увидев внутри белый порошок, Линь-цзы почувствовал себя помилованным. Лихорадочно чиркнув колесиком зажигалки, он поднес огонек к фольге и жадно принял ноздрями к дымку.

Глубокий вдох — и на миг дыхание перехватило. Уткнувшись лбом в спинку дивана, он замер, ожидая, когда удушье сменится волной всепоглощающего блаженства.

Вскоре приступ отступил. Мир снова обрел четкость. Линь-цзы с отвращением взглянул на валявшуюся на полу фольгу, сгреб её и поспешно запихнул в карман брюк. Откинувшись на спинку дивана, весь взмокший от пота, он вдруг закрыл лицо руками и зарыдал. Слёзы лились безудержно, а он хрипло, надрывно выл, словно раненый зверь.

Ань Но в это время стоял у самой двери. Он видел, как Линь-цзы дрожал за стойкой, видел, как тот, спотыкаясь, бежал наверх, и прекрасно понимал, зачем. Пользуясь суматохой и сполохами стробоскопов, он, словно тень, проскользнул за парнем следом. Услышав приглушенный плач за дверью, Ань Но лишь на мгновение прикрыл глаза.

Когда Линь-цзы спустился на первый этаж, сжимая в руках небольшую сумку, помощник за стойкой чуть не плакал:

— Брат Линь, я сейчас сдохну! Посмотри, сколько заказов!

Линь-цзы молча сунул сумку в ящик под стойкой и, подхватив пачку чеков, снова принялся за шейкер. Помощник, взяв готовые напитки, умчался в зал.

Ань Но достал телефон, отправил короткое сообщение и взглянул на часы. Половина второго. Стараясь держаться в тени, он медленно направился к бару.

Бай Ичэнь к этому времени уже едва держался на ногах. Если в начале смены он эффектно вскидывал поднос над плечом, красуясь перед гостями, то теперь тащил его обеими руками на уровне груди, выглядя при этом жалко и неуклюже.

Сил больше не было. Казалось, руки вот-вот отвалятся, в пояснице стреляло, а ноги налились свинцом. Хотелось просто бросить всё и лечь прямо на пол.

«Скорее бы закрыться, скорее бы всё это кончилось!» — молил он про себя.

И вдруг...

Грохочущая музыка оборвалась на полуслове. От внезапно наступившей тишины в ушах зазвенело. Режущие глаза прожекторы погасли, и вместо них вспыхнул ровный, мертвенно-белый свет ламп дневного освещения. Толпа замерла, не успев осознать, что произошло. В зале воцарилась гробовая тишина.

Бай Ичэнь пошатнулся и недоверчиво огляделся:

«Неужели? Неужели закрываемся? Прямо чудо какое-то!»

— Всем оставаться на местах! Работает полиция, ночная проверка! — рывкнул мегафон у входа.

Тишину мгновенно сменил многоголосый гул. Разгоряченная толпа разразилась недовольными криками, кто-то начал открыто материться.

В зал вошел отряд полицейских. Возглавлял их рослый, крепкий мужчина с громкоговорителем в руках. Лицо его было чернее тучи.

— Приготовьте паспорта! Живо! — в его голосе сквозило крайнее раздражение.

Бай Ичэнь не верил своим глазам. Оказывается, сцены из гонконгских боевиков случаются и в реальности! Бывает же — облава в ночном клубе! Стоп...

«Проклятье, я же паспорт не взял!» — похолодел он.

Линь-цзы за барной стойкой замер в таком же оцепенении.

Увидев полицию, он почувствовал, как сердце уходит в пятки. Ему казалось, что он стоит один посреди выжженной пустыни, где нет ничего, кроме звука его собственного дыхания и бешеного пульса. Отчаяние. Предельное, удушающее отчаяние человека, который и умереть-то толком не может.

Ань Но в это время пригнулся в углу, где барная стойка примыкала к стеллажам. Там была небольшая откидная панель, через которую персонал заходил за стойку. Это место находилось в густой тени, вдали от танцпола, так что его маневр остался незамеченным.

Тот здоровяк с мегафоном, видимо, капитан, подозвал официанта и велел позвать владельца. Тем временем полицейские разделились на две группы, приказывая мужчинам и женщинам встать по разные стороны для проверки документов. Капитан взобрался на стул и, окинув зал тяжелым взглядом, кивнул молодому сержанту в сторону бара. Тот, расталкивая толпу, направился к стойке.

Линь-цзы, не отрываясь, следил за приближающимся полицейским. Тяжело вздохнув, он закусил губу, словно принимая роковое решение, и резко потянулся к ящику. В сумке лежал пакет с белым порошком. Линь-цзы надорвал край, собираясь высыпать содержимое в раковину. Раковина для мытья посуды была утоплена в столешницу, и снаружи никто бы не увидел, что он делает: одно движение, кран на полную — и все улики исчезнут в канализации.

Но Линь-цзы понимал: если он уничтожит товар, живым ему из этой истории не выйти. И всё же медлить было нельзя.

Ань Но начал действовать в тот самый миг, когда Линь-цзы вытащил сумку. Резко оттолкнувшись от стены, он буквально влетел в проход под стойкой. Оказавшись внутри, он

левой рукой ухватился за край столешницы, а правую выбросил вперед, вытягиваясь в струну. Одним молниеносным движением он выхватил пакет из рук ошалевшего Линь-цзы.

Всё произошло за доли секунды. Ань Но двигался бесшумно и стремительно, словно скользнувшая над землей ласточка. Он даже не поднял головы выше уровня столешницы, поэтому полицейский ничего не заметил.

Опешив от неожиданности, Линь-цзы потерял дар речи. Он лишь наблюдал, как Ань Но, присев на корточки, высыпает «порошок» в пустую стеклянную банку с притертой пробкой.

Ань Но резко ткнул Линь-цзы локтем в голень:

— Соль давай. Живо!

Находясь в прострации, Линь-цзы протянул ему солонку. Ань Но высыпал туда же целую гору соли, плотно закрыл банку и задвинул её поглубже под стойку. Затем, снова упершись ногами в пол, он плавно, словно в замедленной съемке, выскользнул обратно через лаз.

Линь-цзы пришел в себя, только когда перед ним вырос молодой полицейский.

— Ваш паспорт, — сухо бросил тот.

Линь-цзы вздрогнул. Его лицо покраснелось, на лбу выступили крупные капли пота, а вены на висках вздулись. Вид у бармена был крайне подозрительный. Полицейский прищурился и, опершись рукой о стойку, легко перемахнул через неё, принимаясь за обыск.

Глаза Линь-цзы расширились еще сильнее. В голове роились безумные мысли:

«Что он знает? Как он догадался?»

«Он помогает мне или хочет подставить?»

«Заметит ли мент? А если заметит — что тогда?»

Он понял, что больше не может соображать — от каждой мысли голова раскалывалась, а тело била неконтролируемая дрожь. Оставалось только смотреть, как сержант переворачивает всё вверх дном.

— Это что такое? — полицейский извлек из-под стойки ту самую стеклянную банку и осторожно принялся к содержимому.

Линь-цзы зажмурился. «Всё кончено, — подумал он. — Ну и пусть. Хоть мучиться перестану».

С того самого момента, как он впервые попробовал дрянь, с того дня, как взял первую партию у Хань Цзыфэя, он знал, что этот день настанет. Он жил, прижав к груди бомбу с часовым механизмом. Засыпая, он думал: «Может, проснусь уже в камере?» Просыпаясь, гадал: «Может, сегодня моя последняя ночь на свободе?» Делая вдох, он представлял, как будет в корчах подыхать в наркодиспансере... Кроме безнадёги, в его жизни ничего не осталось.

И вот, финал. Линь-цзы даже почувствовал какое-то странное, извращенное облегчение.

— Я спрашиваю, что это? — голос полицейского был холодным и режущим, как сталь.

— Сами попробуйте — поймете. Соль это, — раздался ленивый, насмешливый голос.

Линь-цзы резко открыл глаза. Ань Но, небрежно прислонившись к стеллажу с бутылками, смотрел на сержанта с вызовом. Вид у него был сонный и помятый — он сутулился, опустив плечи.

— Соль? — недоверчиво переспросил полицейский. Он снова понюхал порошок, отсыпал немного на палец, поднес к носу и, поколебавшись, коснулся кончиком языка.

— Какого черта в баре делает соль? И почему она так несет спиртным?

Линь-цзы окончательно лишился дара речи.

Ань Но с раздражением вздохнул, будто сокрушаясь о дремучести собеседника:

— Господин полицейский, помилуйте. В баре, конечно же, должна быть соль!

<http://bllate.org/book/18167/1747970>